

НАЦИОНАЛЬНО–КУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ПОСТТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ (ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВЕННОЙ И КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ)

Юрий Викторович ЛАТУШКО,

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

**National Cultural revival in post-industrial societies
(Problem of qualitative and quantitative estimates).**

Yu.V. Latushko, Candidate of Historical Sciences, a Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok.

Мы полагаем, что поиск национальной идеи стимулируется глобальным заказом на данную потребительскую форму, которая в известной степени становится меновой стоимостью для разного рода элит. Мифологемы современного мира, к коим с определённой долей вероятности можно отнести и национальную идею, устойчиво конвертируются во власть, деньги и ресурсы. И здесь немало важно, что любое субъективное восприятие (вне зависимости от степени реальности и значимости притязаний) зависит от социального формата того или иного народа (его численность, тип хозяйственных связей и т.п.). В эвристических целях мы обратимся к культурам народов, относящихся к разным, как это принято говорить, хозяйственно-культурным типам — скотоводам Сибири и рыболовам Дальнего Востока. В основе — полевые исследования автора 2007—2008 гг., проведённые в Усть-Ордынском бурятском автономном округе и Николаевском районе Хабаровского края.

Любой народ характеризуется набором ценностей. Существует некая конвенция о том, что любые ценности хороши, если они западные, читай демократические. Россия сегодня находится в ценностном вакууме, и в первую очередь это относится к самому большому её народу — русским. И если выработать некризисную систему ценностей («идею») пока никак не получается даже для такого многомиллионного народа, то что уж говорить о народах с численностью в десятки и даже несколько тысяч человек.

Классические европейские дефиниции связывают понятие нации с территорией, на которой проживают граждане, осознающие своё единство и имеющие своё государство («нация-согражданство»). «Нация-соэтничность» — это, прежде всего, феномен внутренних империй, таких как Россия. По отношению к этим сообществам и принято говорить о национальной идее. Что касается безгосударственных народов, особенно коренных, речь обычно ведут лишь о культуре

и/или её возрождению. Тем не менее идеи народов присутствуют всегда. Они могут обосновываться исторически, либо, как часто это бывает, вовсе не манифестироваться, а присутствовать в духовной жизни этноса имплицитно.

Традиционный уклад жизни и представления о таковом — понятия не тождественные. И здесь очень важно, какие условия способствуют сохранению традиционных ценностей. В рамках поставленной проблемы обратим внимание на качественные и количественные характеристики субъектов национального возрождения. Интересы народа, как правило, представляет так называемая элита. Она формирует «обложку» этноса, интерпретирует традиционный багаж и образ будущего. В социологии под аналогичным термином принято понимать высший слой (слои) социальной структуры общества, осуществляющий важные политические, экономические и культурные функции. Различают политическую элиту (В. Парето, Р. Михельс), технологическую (Дж. Бернхем), социально-психологическую (Х. Ортега-и-Гасет, И. Шумпетер) и др. Согласно комплексной теории элит они уравновешивают друг друга и тем самым предотвращают всевластие какой-либо социальной группы и/или института (К. Манхейм).

Есть ли сегодня элита у коренных народов и кем она представлена? Отвечая на поставленный вопрос, мы не можем не задаваться другим — насколько оторвана элита от социума, в рамках которого она живёт и который она репрезентует? Большинство этнических активистов у народов Севера — это люди, как правило, гуманитарных профессий, получившие образование в советских/российских учебных заведениях. В большинстве случаев они входят в своего рода «клубы по интересам» в виде общественных организаций. К таковым можно отнести и ассоциации коренных народов — квазидемократические по форме и бюрократические по сути. Поэтому элита коренных народов часто отстаивает свои корпоративные интересы, оказываясь вне поля ценностей представляемого ею социума. Львиная доля этнических активистов инкорпорирована в бюрократический класс. Яркий пример — должность представителя коренных народов Севера при администрациях различных субъектов и муниципальных образований.

В условиях всё большего дистанцирования политических элит от собственного народа со всеми вытекающими последствиями вряд ли стоит ожидать их сколь-нибудь позитивного участия в выработке конструктивных решений, направленных на сохранение традиционной системы ценностей. Тем более, что такая система часто противоречит общепризнанным принципам свободы личности и правам человека, которые обычно исповедует элита.

Ещё один момент, который не кажется самоочевидным, что вообще подразумевается под традиционным образом жизни и традицией как таковой? Многие мои коллеги хорошо понимают: то, что мы называем традицией, является научным багажом «золотого века» культурной антропологии рубежа XIX—XX в., однако с удивительным упорством воспроизводят идею, отрицающую развитие традиции. В результате выходит, что все нивхи должны жить по Крейновичу, чукчи — по Богоразу и т.п.

Насколько жива традиция, являющаяся инсценировкой книг классиков? Вопрос риторический. Но откуда черпать мудрость, когда ход этнической истории был сломлен или сильно видоизменён. Здесь сложно дать исчерпывающий ответ, ясно одно — подобного рода инсценировки делают живую жизнь народа постановкой. Традиции не нужно возрождать только таким образом.

Существуют ли помимо субъективных факторов какие-то объективные критерии, которые могут способствовать национальному возрождению? Да, такие критерии существуют. Мы предлагаем учитывать следующие: социальный формат (отношение численности и плотности населения к ресурсной базе); нали-

чие/отсутствие опыта самостоятельного политического развития (реальная либо мнимая государственная традиция); наличие/отсутствие влияния со стороны «осевых» религий; характер и степень интеграции в современную экономическую жизнь; степень сохранности языка; ценностный баланс (отношение к разного рода ценностям и характер их межпоколенной трансляции).

Вероятно, таких переменных может быть больше, но названные представляются нам базовыми. Ценности этноса А численностью в один миллион человек, скорее, окажутся более жизнеспособными, чем ценности этноса Б численностью в тысячу человек при условии относительной открытости социальных систем и отсутствии коммуникативных барьеров. У этноса «А» будет больше ресурсов, а соответственно и шансов для сохранения собственной идентичности. Также очевидно, что «система А» должна быть более стабильной, тогда как стабильность «системы Б» будет основываться на её сравнительно большей открытости по отношению к внешним факторам, что в теории должно приводить к изоляции и постепенному снижению приспособляемости. Это не противоречит неоэволюционистскому закону потенциала развития, который гласит, что менее специализированные культуры обладают большим адаптивным потенциалом. В данном случае интенсивность этнокультурного взаимодействия будет всего лишь производным фактором, который можно сравнить с катализатором, но не с причиной процесса.

Сохранению самосознания и самобытности способствует также родной язык, который согласно теории языковой относительности Сепира-Уорфа является не просто отражением окружающей реальности, а логической матрицей, моделирующей таковую. Влияние же «осевых» (мировых) религий важно с точки зрения наличия надлокального (внеплеменного) духовного опыта, который разрушает непрозелитическую природу племенных верований, способствуя таким образом большей открытости/стабильности системы. Опыт же реальной или мнимой государственности формирует «государственническую традицию», которая способствует оформлению стабильной политической культуры народа, обуславливает наличие эталона вертикальных коммуникаций (косвенно указывает на сравнительную сложность социума).

Рассмотрим с этих позиций три этнических общности: усть-ордынские буряты Иркутской области, агинские буряты Забайкальского края, коренные народы Севера Николаевского района Хабаровского края, среди которых преобладают нивхи*. По природным условиям обитания, социальному и хозяйственному форматам эти народы чрезвычайно разные: буряты — скотоводы, нивхи — рыболовы. Степные районы, в которых живут буряты, кажутся оазисами жизни на фоне бескрайних просторов северной тайги с чрезвычайно низкой плотностью населения (см. табл. 1). Вместе с тем все они представляют посттрадиционные общества, длительное время подвергавшиеся воздействию аккультурации со стороны пришлого населения, хотя степень такого воздействия, исторические формы и исходные посылки были различными.

Раньше всего контакты с русскими возникли у западных бурят (с рубежа XVII—XVIII вв.), которые в нашей выборке представлены усть-ордынской группой. В это же время восточные роды бурят (агинцы) стали подвергаться ламаизации. Под воздействием буддизма их шаманизм сильно трансформировался и представляет сегодня сравнительно редкое явление (табл. 6, 7). У бурят был опыт государственности как легендарной, так и реальной. Очень многие из них подчёркивают своё родство с чингизидами и ордынским наследием в целом,

* Методику выборки и инструментарий опроса см. [6, с. 572—582; 3, с. 114—124].

кроме того, буряты, не вошедшие в состав Республики Бурятия, имели соответствующие национальные округа, которые просуществовали до наших дней. С распадом СССР их статус даже вырос до уровня субъектов РФ. В 2008 г. Усть-Ордынский округ был упразднён, та же участь постигнет Агинский округ в 2010 г. Часть местной элиты выступала против понижения статуса, писала обращения, устраивала митинги, печатала листовки (порой ультранационалистического толка). В Усть-Ордынском округе против объединения с Иркутской областью выступало местное представительство аграрной партии России, население также высказывало опасения, правда, по другим соображениям, боясь появления новых этажей бюрократии и неразберихи в структуре управления [4].

У коренных народов Николаевского района ввиду их численности государственного представительства не существовало и не существует. Нет и схожей властной мифологемы. Соотношение с пришлым населением также явно не в их пользу. К тому же среди нивхов Николаевского района очень высок процент городского населения с его урбанизированной культурой (табл. 1). Влияние мировых религий на них было сравнительно невелико (эпизодические связи с конфуцианским Китаем, короткий период православия). Репрессии 30-х гг. нанесли мощный удар по местному шаманизму, так что последний сегодня в отличие от бурят, скорее, факт истории, чем современности (табл. 6, 6.1, 7).

Отличительной особенностью любой этнической общности является язык. Забвение родного языка по тем или иным основаниям часто является первым шагом к ассимиляции народа. Языковая ситуация у рассматриваемых народов также неоднозначна (табл. 2). Уровень понимания родного языка нивхами Николаевского района составляет 1,6 против 4,1 у агинских бурят (по пятибалльной шкале). Более драматичен у них и разрыв поколений (табл. 4).

Родовая структура народов Амура претерпела существенное разрушение ещё в XIX в. Л.Я. Штернберг, отмечал, в частности, что нивхский род живёт всего 6 поколений (с. 286—292). Годы социалистического строительства окончательно размыли традиционную социальную структуру, нарушили связь поколений (табл. 8, 9). Роль родственных связей у рассматриваемых этносов показана в табл. 10 через систему индексов, которые вычисляются как разница между положительными и отрицательными оценками. Оценки в положительной шкале означают большее влияние переменной, в отрицательной шкале — меньшее. Мы видим, что в связке «родственные отношения/работа» индекс положителен только у агинских бурят. Это значит, что их сообщество более традиционно (отсюда земляческие и аналогичные корпоративные связи). Прочие связки интерпретируются не столь однозначно. Высокий положительный индекс у коренных народов Николаевского района в связке «родственные отношения/учёба» объясняется характером выборки (большая доля учащихся) и наличием в районе специальных учебных заведений для коренных народов (медицинское и педагогическое училища).

Закрытость/открытость этнической общности оценивают нередко по такому показателю, как отношение к межнациональным бракам. У коренных народов Николаевского района положительно относится к таким бракам более 85% респондентов. В прошлом это проистекало из особенностей брачных обычаев, тасовавших генофонд малочисленных общностей близкого по культуре этнического окружения. Со временем, однако, это стало приводить к эрозии этничности, и сегодня при сохранении традиционного брачного паттерна явно ощущается сдвиг в сторону осознания опасности подобных связей (табл. 12).

Таким образом, рассматриваемые этнические сообщества дают разные тренды межкультурной коммуникации. Наибольшими традиционалистами являются буряты-агинцы, при этом им удаётся сочетать традиционный образ жизни с дос-

таточно успешной хозяйственной практикой (рыночные отношения не препятствуют, а способствуют сохранению традиций). Усть-ордынское этническое сообщество, более многочисленное, в большей степени подвержено процессам модернизации. В то же время ренессанс такой компоненты традиционной духовной культуры, как шаманизм, подмораживает процессы модернизации и не даёт разрушиться «этническому телу» усть-ордынских бурят. Сильнее всего страдают от ценностного кризиса малочисленные народы Николаевского района.

Саморазвитие культур народов РФ есть необходимое условие стабильности нашей страны. В случае с коренными народами Севера и Дальнего Востока речь идёт ещё и об их физическом выживании. Надо понимать, что единой модели возрождения культур нет. Для успешного решения проблемы требуется как минимум её осознание на общественном и государственном уровнях. Необходима стратегия, до появления которой любые тактические шаги будут малоэффективными. Разработка такой стратегии, её реализация — задачи сложные, но реализуемые. При выработке проектов, направленных на сохранение и развитие культурного полиморфизма (с обязательным активным участием в них коренного населения), важно опираться на количественные и качественные характеристики этносов. Если мы действительно хотим сохранить этническое многообразие страны, не стоит навязывать унифицированные культурные паттерны для всех, какими бы привлекательными они не казались. Только так возможно подлинное возрождение большинства посттрадиционных социумов России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Социальный формат

Административно-территориальная единица	Территория (в кв. км)	Население 2009 г. (чел.)	Плотность населения (чел./кв. км)	Доля городского населения (%)	Доля коренного населения (%)
Усть-Ордынский бурятский округ Иркутской области	22 138	134 600	6,1	0,0	39,6
Агинский бурятский округ Забайкальского края	19 592	77 343	3,9	32,9	62,5
Николаевский район Хабаровского края	17 188	37 594	2,2	83,9	10,6

Таблица 2

Языковая ситуация (среднее значение в баллах по пятибалльной шкале)

	Агинские буряты	Усть-ордынские буряты	КМН Николаевского района
В какой степени Вы понимаете родную разговорную речь?	4,1	3,6	1,6
В какой степени Вы говорите на родном языке?	3,9	3,2	0,8
В какой степени Вы владеете письменным родным языком?	3,2	2,1	0,7

Таблица 3

Сферы употребления родного языка (%)

	На работе (учёбе)	С друзьями	В семье	Другое
Агинские буряты	38,0	51,3	88,7	8,3
Усть-ордынские буряты	12,1	25,2	60,9	11,0
КМН Николаевского района	4,1	5,4	18,9	71,6

Таблица 4

Языковое общение со старшим поколением (%)

	На родном	На русском	На том и другом
Агинские буряты	41,0	10,3	48,7
Усть-ордынские буряты	43,3	25,7	29,3
КМН Николаевского района	2,7	81,1	16,2

Таблица 5

Степень религиозности (%)

	Я верующий	Колеблюсь между верой и неверием	Я неверующий	Нет мнения
Агинские буряты	87,3	8,3	2,3	1,7
Усть-ордынские буряты	69,0	17,4	9,2	3,4
КМН Николаевского района	20,3	20,3	31,1	28,3

Таблица 6

Конфессиональные предпочтения бурят (%)

	Буддизм	Православие	Шаманизм	Буддизм/шаманизм	Другая
Агинские	82,7	1,0	0,7	12,7	2,0
Усть-ордынские	7,4	3,3	70,5	9,2	4,3

Таблица 6.1

Принадлежность к религии коренных народов Николаевского р-на (%)

Не принадлежу ни к какой	Православие	Шаманизм	Другая	Не указано
46	31,1	2,7	4,1	16,1

Таблица 7

Степень посещаемости культовых мест (%)

	Часто	Редко	Никогда
Агинские буряты	30,0	67,7	1,7
Усть-ордынские буряты	2,7	36,4	56,7
КМН Николаевского района	1,4	17,6	81,0

Таблица 8

Степень знания о названии своего рода (%)

	Знаю	Не знаю
Агинские буряты	87,0	13,0
Усть-ордынские буряты	58,5	38,4
КМН Николаевского района	36,5	63,5

Таблица 9

Степень знания своих предков по поколениям (%)

	Не знаю	Знаю до 2-го колена (дедушек и бабушек)	Знаю до 3-го колена (прадедушек и прабабушек)	Знаю до 4-го колена и более
Агинские буряты	2,7	13,7	31,7	50,7
Усть-ордынские буряты	4,0	16,1	40,9	37,0
КМН Николаевского района	17,5	58,5	20,3	2,7

Таблица 10

Индекс влияния родственных отношений на виды деятельности

	Помогают в работе	Помогают в учёбе	Помогают в домашнем хозяйстве
Агинские буряты	+11,6	-17,0	+35,7
Усть-ордынские буряты	-19,4	-34,2	+8,9
КМН Николаевского района	-6,0	+20,0	+34,1

Таблица 11

Отношение к бракам с представителем другой национальности (%)

	Положительно, независимо от национальности	Положительно в зависимости от национальности	Брак должен быть только с представителем своей национальности
Агинские буряты	44,7	36,7	17,7
Усть-ордынские буряты	79,5	10,9	7,8
КМН Николаевского района	85,1	12,2	2,7

Таблица 12
Степень угроз существованию коренных народов в Николаевском районе (%)

Пьянство	25,68
Утрата языка	24,32
Разрушение природной среды	8,19
Межнациональные браки	8,01
Снижение интереса к традиционному труду	6,77
Приватизация природных ресурсов	6,23
Утрата трудолюбия, иждивенчество	2,79
Засилье приезжих	2,61
Внебрачные связи с приезжим населением	2,59
Всё перечисленное угрожает в равной степени	4,54
Ни одно из вышеперечисленного	8,27

Таблица 13

**Межнациональные отношения в поселениях коренных народов
Николаевского района (%)**

Спокойные	Внешне спокойные, но напряжение существует	Напряжённые
50,1	44,5	5,4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Всероссийская перепись населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru>.
2. Федеральная служба государственной статистики РФ. Официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru/>.
3. Латушко Ю.В. Ценностные трансформации у народов Нижнего Амура (по материалам исследований осени 2007 г.) // VI Гродековские чтения. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 114—124.
4. Мы против ликвидации округа и очередного обмана граждан России // Агитационный материал. Отпечатан на средства депутата Думы МО «Усть-Ордынское» В.К. Алексева.
5. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
6. Янков А.Г. Предварительные результаты сравнения агинских и усть-ордынских бурят // Культурный обмен между странами Северо-Восточной Азии и Российским Дальним Востоком. Владивосток: ДВГТУ, 2008. С. 572—582.